

МАРГАРИТА ЛОГВИНОВА

Девушка
На фотографии
футболиста Березина

ЧАСТЬ 2

12+

Маргарита Логвинова

**Девушка на фотографии
футболиста Березина. Часть 2**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Логвинова М. И.

Девушка на фотографии футболиста Березина. Часть 2 /
М. И. Логвинова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Команда в кризисе, результаты падают. Никто, даже профессор, не в силах понять, в чем истинная причина происходящего. Сможет ли ассистентка психолога разобраться в ситуации или окончательно запутается в паутине чужих жизней и судеб? Каким бы ни был исход, это будет увлекательное путешествие...

Содержание

ЧАСТЬ 2. Бумеранг	5
Кривое зеркало	6
Одна проигранная встреча	12
Хорошая команда	17
Лифт	23
Холодная голова и горячее сердце	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

ЧАСТЬ 2. Бумеранг

Все возвращается.

.

Кривое зеркало

Отчего в этом году нас так ненавидит весна? Во всяком случае, она очень припозднилась, заглянув лишь в последних числах марта. Но зато теперь, когда снег почти сошел, можно, весело потряхивая сумочкой, нестись на всех порах в любом направлении, будучи полностью уверенной в том, что не поскользнешься на очередной льдине или что сосулька не найдет твоей несчастной головы, на которую и без того любят падать всякого рода неприятности. И чего у меня такое отличное настроение? Почему я улыбаюсь прохожим? Потому что солнце светит так ярко, потому что ветер теплый-претеплый... Да мало ли почему?! Одним словом, весна! А весну я просто обожаю!

Хотя разум периодически подсказывает мне, что особенно радоваться нечему: Матвей Горин все-таки ушел, а Николай Степанович долго потом меня отсчитывал, что предварительно я не договорилась с ним о направлении беседы. Как будто он сам бы посоветовал ему другое! Мол, нужно было удерживать Матвея, потому что президент клуба не имел большого желания его продавать. Ну и что теперь — человеку мучиться? Конечно, он начальник и все такое... Эх, выгонят меня когда-нибудь с моей философией! Ну, ничего: главное, дотянуть до получения диплома, а там не страшно.

Но даже это не беда: ушел, да ушел. Как сказал бы профессор, у футболистов доля такая: уходить, приходить, снова уходить. Вот только после перерыва игра у наших совсем разладилась: за трех первых турах два поражения и одна ничья. И это при том, что Березин, наш лидер, весь сезон играет как никогда здорово. Тренер весь на нервах, в команде настроение ниже плинтуса. Что-то там происходит, в чем мы с Николаем Степановичем разобраться не смогли — не наша компетенция. Если бы у кого-нибудь одного проблема случилась, помогли бы, а тут целое наваждение. И президент... на него весна вообще дурно влияет. Удумал какие-то нововведения учинять! Как бы не решил оптимизировать число сотрудников — я на своих птичьих правах первый кандидат на вылет.

Я не ездила с командой на сборы — пресловутая экономия! Но с другой стороны, хоть как-то дела в порядок привела, а их накопилось немало. Все-таки трудно блестяще учиться и хотя бы сносно работать! Или наоборот.

Как же быстро пролетела зима! Я ее не люблю, поэтому считаю, что мне повезло. А когда подопечных своих увидела спустя почти три месяца, то так обрадовалась! Сама не знала за собой такого: с трудом привязываюсь к людям, а тут... Кирилл — с ним мы созванивались, да и Наташа рассказывала много; Егор — он таки женился, только вид у него при этом был, будто человек объелся лимона. Не нравится — не женись. Зачем девушке мозги пудрить? Мне на месте Агнии было бы очень неприятно, но она вроде бы не заметила.

Березин... Это вообще отдельная история! На следующий день после нашего «свидания» он явился в кабинет и подпер плечом косяк двери, молча уставясь на меня. Дмитрий, как это за ним водится, являлся скоплением металлических безделушек, модельных дырок, футболки цвета фуксии с веселым принтом, и, конечно, присутствовал белый хаер — без него никуда! Руки в карманах, на губах играет полулукавая улыбка, одной ногой, согнутой в колене, упирается в дверной косяк, непроницаемые глаза смотрят прямо на меня.

– Хорошо ты вчера меня! — начал он вместо приветствия.

– Да, неплохо, — подтвердила я. — Только ногу опустите, а то казенное имущество, сами понимаете!

– Так мы снова на вы! Отлично. Так меня еще никто не отшивал.

– Что ж, все когда-нибудь бывает впервые! Тем более, с вашей стороны это была только игра. Не так ли? — Березин кивнул. — А все игры имеют обыкновение заканчиваться.

– Ага, только эта завершилась больно резко: еще минуту назад вы говорили: «Какой прекрасный вечер», а мгновение спустя исчезли. Но вы правы: это всего лишь игра. Да, все, что я вам там наговорил... не берите в голову: на что не пойдешь, чтобы выиграть!

– Вы правы, мне тоже пришлось вам польстить, — я старалась как можно глубже закопаться в бумаги. Надо с этим кончать, нам работать еще вместе.

– Вы еще скажите, что у вас губы свело от натянутой улыбки и что пожалели, что согласились прийти, — Дмитрий отделился от стены и подошел к моему столу.

– А вы, что были безумно счастливы, когда удавалось избавиться на время от моего общества, — привстала и я.

Мы посмотрели друг на друга: я колюче, он насмешливо-безразлично. Наконец, мы отвели глаза.

– Вы бы побереглись: играть не так-то просто, этому учатся годами, — заключил Березин, отстраняясь от моего стола.

– И вы поаккуратнее. Сами знаете: есть травмы, которые очень долго не заживают.

В высшей степени странный разговор, но он был необходим. В какое-то мгновение я поняла, что все неправильно, что так не должно быть. Подходящих слов найти не удалось, вот и пришлось уйти по-английски. Было и еще что-то, о чем говорить не хотелось.

Что касается остальных ребят, то они все вернулись изрядно посмуглевшими, даже Цыпа и Диего, которые и так от рождения обладали насыщенно шоколадным цветом кожи.

А день все-таки прекрасный! На выходные собираюсь домой, чтобы помочь подготовиться к Пасхе. Совсем домой. Потому что там минимальный шанс встретиться с Димкой. Хотя теперь мне все равно! Вот уже и база далеко позади, несколько шагов до остановки осталось. Я замедлила шаг, чтобы еще раз насладиться наступающим вечером. Вдруг кто-то сказал сзади:

– Стой!

По-моему, знакомый голос. Только лучше подготовиться к худшему, я даже баллончик газовый купила, чтобы защищаться от всякого рода неприятностей. Заветная емкость уже притаилась в руке, когда я развернулась в сторону голоса. В последний момент рука опустилась и я, отвернувшись, пошла дальше.

– Короче, будем делать вид, что не знакомы? — предложил Стрелок, поравнявшись со мной.

– Отличная идея! Вижу, нога поджила, теперь ты передвигаешься значительно быстрее, чем раньше. Пока!

Стрелок и правда физически выглядел свежее, нежели три месяца назад. Вот только лицо... Оно сохранило признаки недавнего неудовольствия, хотя постепенно прояснялось. Рассуждаем, как учил профессор: Стрелок увлекается только (насколько мне известно) одним футболом, его команда не в лучшем состоянии. Скорее всего, переживает он как раз из-за команды.

– Неужели обижаешься? — допытывался он.

– Куда мне: я же робот!

– Короче, рад встрече.

– Не могу сказать того же в твой адрес.

Стрелок сначала пожелтел и отвернулся, а потом изобразил уже знакомое мне подобие ухмылки.

– А цепочку не снимаешь! — заметил он довольно.

– Еще чего! Она моя! — безапелляционно заявила я.

Мы посмотрели друг на друга внимательно, я не удержалась и рассмеялась. Его мутного цвета глаза ответно заблестели.

– Ну и как ты, гроза всех фанатов команды соперников? Только не говори: «Нормально!». Так отвечают людям, которым не доверяют.

Мы как в старые добрые времена медленно плелись по дороге.

– Сама понимаешь: у команды застой, почти развал. Короче, настроение ни к черту. Что у них? — допытывался мой попутчик.

– Даже если бы знала, не сказала — не могу, но мне скрывать нечего: на сборах не была, мы сами с профессором головы ломаем. Какое-то у тебя лицо кислое, неужели только из-за футбола?... Можешь не отвечать, если не хочешь, — добавила я.

– Тут тоже скрывать особо нечего: исчезнуть бы куда-нибудь... Учеба, фан-клуб и вообще...

Вообще — это, видимо, семья. Надо же, он восстановился в университете? Дело идет на лад!

– Это можно.

– В каком смысле? — недоумевал Стрелок.

– Просто поверь мне и не спрашивай, куда поедем. Не волнуйся, верну тебя пару дней спустя в целостности и сохранности.

– Так все-таки куда?

– Можешь ты хоть раз в жизни кому-то довериться?

Стрелок задумался, а не отказался наотрез, как предполагала я. Нет, все-таки у него другая акцентуация, не шизоидная.

– Только там, куда мы поедем, я буду звать тебя Женей, если ты не против.

Мы сошли на мягкую, по-весеннему гибкую землю, когда уже смеркалось. Я специально не просила нас встречать — хотела пройтись пешком, подышать замечательной чистоты воздухом. Мне-то хорошо, Стрелку, то есть Жене хуже — он ведь несет мою неподъемную сумку и скромную свою. Да и ему неплохо бы сменить обстановку. И почему мне стукнуло в голову привезти его домой? Сама не знаю. Смешно вспомнить: на каждой станции он порывался сойти, допытывался, что к чему, звонил куда-то, по карте в интернете отслеживал, где мы. Будто бы я его в дремучий лес на съедение волкам веду! Ну, ничего, пусть привыкает доверять людям.

– Теперь ты скажешь, куда мы приехали? Короче, это твой дом?

– Как ты догадался?

– Больно уверенно ты идешь, но смотришь по сторонам, давно уехала и приезжаешь редко?

– Уехала очень давно, а приезжаю крайне редко. Мы сначала в город переехали сразу по окончании девятого класса, чтобы к ЕГЭ хорошо подготовиться, да и папа там работу нашел... Потом еще более дальний переезд... Вот так, — попытожила я и чуть заметно улыбнулась. — А ты чего вдруг решил затаиться?

– Да так, — попытался уйти от ответа он, — мать к отцу в санаторий уехала, и я как-то... сама понимаешь.

– Ага, — кивнула я. — А с ней поехать не судьба?

– Давай закроем тему, — отрезал он и поправил ручку сумки на плече. — Где же твой дом? Короче, не представляю даже, что в такой глуши могут люди жить.

– Могут, скоро в этом убедишься.

– Маш, но ты мне скажешь, если узнаешь, что с нашими. И обращайся, если помочь надо будет, — на ходу бросил он.

– Ладно, только уговор: если что-то узнаешь, даже слух или сплетню какую-нибудь правдоподобную, сообщишь мне. Я-то уже сделала вывод: вы про футболистов порой больше них самих знаете, мы, психологи, тут вам в подметки не годимся!

Так, переговариваясь о том, о сем, мы медленно, но верно приближались к моему дому.

— Дорогая моя, наконец-то! — сдвинула меня в своих объятиях мама. — Как ты похудела! Совсем ничего не ешь! — сетовала она.

— Мама! Я ем. И совсем не похудела! — успокаивала ее я. — Познакомься: это С... славный человек, который спас мою сумочку. Его зовут Женя, — особенно подчеркнула последнее слово, чтобы Стрелок привыкал отзываться на свое настоящее имя, а не только на кличку.

— Валентина Ивановна, очень приятно. Маша о тебе рассказывала, благодарила очень, — расплылась в улыбке мама и посмотрела на нас поочередно, я взглядом показала, что это она делает зря. Женя даже бровью не повел, как будто все происходящее его не касалось.

Мама — довольно энергичная, живая (особенно в присутствии гостей) женщина с орехового цвета волосами, все видящими карими глазами и лапками морщинок под ними, символизирующих, что их обладательница любит посмеяться. Еще она любит меня, папу, свою профессию, причем последнюю весьма сильно, хотя в этом ни за что не признается. При этом работа ее утомляет порой, как, впрочем, и любого другого нормального человека. Она работает в отделе кадров на текстильной фабрике, поэтому трудоспособность человека определяет всегда с первого взгляда.

— Хорошо, что ты не одна, веселее будет! — как-то странно намекнула она.

— В каком смысле?

— Вероникины родители здесь по соседству дом сняли.

Я не отвечала.

— Ты забыла Веронику? Ну, она среднего роста с вьющимися волосами. Вы дружили даже какое-то время до твоего отъезда.

Куда мне ее забыть! Еще как помню. Только этого не хватало!

— Я их с Димкой на ужин пригласила, они нас до этого на шашлыки звали, — пояснила она. — Прекрасные ребята.

— Мам, зачем? Я устала, да и Женя тоже... Может, потом как-нибудь? — видимо, несмотря на весь мой пресловутый самоконтроль, которым так гордилась, притворяться равнодушной у меня выходило скверно. А тут и Женька голос подал, он все еще держал на весу сумку и осматривал наш дворик.

— Короче, хорошо. Вы про Керимова говорите? Буду рад его видеть, — довольно констатировал он.

— Вы знакомы? — удивилась мама.

— Да, встречались несколько лет назад.

— Вот удача! — восхитилась она. — Что же мы на крыльце говорим, проходите.

Я пропустила маму вперед и зло шепнула Жене:

— С чего это ты решил знакомство восстановить?

— Не волнуйся, Маш. Он не футболист — в случае чего и разукрасить могу.

— Да уж, успокоил! — покачала головой я и закрыла за собой дверь.

Пока Женька-Стрелок размещался в одной из двух наших спален, мы с мамой остались наедине в другой. Я смогла узнать все новости и подробности. Оказывается, дом сняли совсем недавно — зимой. Обычно на выходные приезжал только Димка, потом стала и Вероника ездить. Папу следовало ждать лишь утром, его дела задержали в городе.

Женю мама оценила положительно: сказала, что он жилистый, и на нем воду возить можно, если подкормить немного; некую угрюмость она охарактеризовала как серьезность, а малообщительность как деловитость — так и должно быть — мужчина говорит мало, а делает много. От такой оценки я пару раз, не удержавшись, хмыкнула.

Я вышла на улицу, спустилась с крыльца и направилась в сад. Какое же все родное! Листва уже убрана, поэтому робкая и такая ярко-зеленая травка то здесь, то там мило улыбается мне. Эти яблони, беленные до колен, березки, которые я так любила обнимать в детстве, — слышала, что это питает силы и придает уверенность; наш огород — сколько дней на нем

проведено! Наш дворик... Когда-то по нему сновали туда-сюда куры, утки, индюшки. А теперь тишина. Вообще деревня стала тише, деревья ниже, а дали короче. Взрослеем, однако.

Вот только Димка... с чего они решили дом рядом с нами снимать? Да нет, это не он, а родители Вероники. Что ж, это неважно. Он давно уже ушел из моей жизни. Надо же, стоило всему успокоиться и на тебе! Хотя мне нечего волноваться, он чужой для меня человек.

Тут сзади послышался удар и чертыханье, словно кто-то споткнулся. Так и есть: Женя и ведро не смогли разойтись миром.

– Короче, это все черное вы сажаете? — поинтересовался он. — Чего ты смеешься, я что-нибудь смешное спросил?

– Нет. Просто странный вопрос. Недели через три-четыре будем картошку сажать, так что если тебе снова захочется сбежать на пару дней, то приезжай и узнаешь наверняка.

– Буду иметь в виду, — улыбнулся одними глазами Женя.

– Так это все ваше? — мой спутник обвел глазами просторный сад, уходящий вдаль огород, бугор, речушку за ним, нечастый лес на заднем плане.

– Можно сказать и так! — отозвалась я.

– Ты тут выросла?

– Ага.

– Теперь понятно, — заключил Женя и оперся спиной на мощный остов яблони.

– И что тебе понятно, хотелось бы узнать? — насмешливо поинтересовалась я, прислонившись к соседнему стволу напротив.

– Отчего ты такая полудикая — полудомашняя.

– Спасибо, так меня еще никто не характеризовал! Отчего же я «полудикая»?

– Короче, делаешь, что хочешь и как хочешь, невзирая на других.

– Допустим. Почему же «полудомашняя»?

– Ну, — замялся мой собеседник. — Я тебе потом как-нибудь скажу.

До чего ему не хотелось пояснять! Он и глаза отвел, и на часы посмотрел, и телефон два раза проверил... Не стала я допытываться у него ответа: захочет, сам потом скажет. Все-таки любопытно взглянуть на себя глазами другого человека, правда, порой складывается впечатление, будто в кривое зеркало смотришься, и в нем не ты, а кто-то другой.

Вот и случилось! Сидим мы напротив друг друга в зале, таком любимом, родом из детства, за прекрасно накрытым столом (мама гостей принимает не очень часто, но если уж случилось, то будет пир на весь мир), во главе которого сама хозяйка. Рядом со мной Стрелок, с противоположной стороны — Вероника (ближе к матери), а прямо по курсу, стоит поднять глаза — Димка.

Комната довольно просторная, но вынесенный в центр стол значительно уменьшил ее. Тут мои игрушки, безделушки, книги — многое, что характеризует меня сильнее, нежели все психологические портреты, которые только возможно придумать. Главное, приглядеться.

Вероника поглядывала на меня робко, вступила в разговор с мамой, потом ко мне обратилась. Мое лицо озарилось самой милой из подвластных мне улыбок. Я отвечала, как прекрасно работать в таком известном футбольном клубе, какой у меня замечательный профессор, как я глубоко прикипела душой к команде, какие у меня друзья превосходные... Вероника кивала, уточняла, спрашивала в обратную. Мама отвлеклась от еды, подперла ладонью голову и не сводила с меня глаз. Димка в разговор не вклинивался до поры до времени, делал вид, что поглощен окорочками, салатиками. Женя тоже молчал, но ему простительно: он с таким аппетитом вкушал мамину стряпню, что в один момент времени я поняла, что мама в позе мыслителя созерцает не меня, а его.

– Короче, вкусно невозможно, — констатировал Женя, когда в разговоре возникла пауза.

– Женя, вы вроде бы знакомы с Димой? — намекнула мама.

– Да, хорошая гонка была, когда мы впервые встретились, приятно вспомнить.

— О своих победах всегда приятно вспоминать, — улыbnулась я.

— Знаете, — подал голос Димка, — некоторые проигрыши оставляют больше впечатлений, чем иные победы.

— Наверно, — не удержалась от колкости я, — особенно, когда хочешь проиграть.

— Как будто кто-то может нарочно стремиться проиграть! — беря бутербродик с красной рыбкой, засомневался Женька.

— Знаешь, всякое бывает! — переглянулась я со Стрелком. Димка поймал наш обмен взглядами и спросил:

— Есть один хороший вопрос: как вы считаете, может, лучше сразу сдаться, чем выйти и проиграть?

Первым вызвался отвечать Женька.

— По мне, так лучше попытаться.

— А ты как считаешь? — обратился он ко мне, и я впервые за сегодняшний вечер открыто посмотрела на него, не отводя взгляд, но дать ответ не успела. — Можешь не отвечать, и так знаю: проигрывать не люблю и без борьбы не сдамся.

— А я, — попыталась проникнуть в наш в высшей степени странный разговор Вероника, — считаю, что если нет больших шансов, то рисковать не стоит. Поэтому я только приветствовала решение Димки не участвовать в гонках.

— Вот и правильно, — поддержала ее мама. — Нечего зазря жизнью рисковать, вы кушайте, кушайте, — она хотела прекратить этот непонятный разговор, смысл которого оставался ей неподвластным.

— Значит, ты больше не соревнуешься? — спросила я. Даже жалко как-то, у него неплохо получалось.

— Везение закончилось, а без него никуда, — пояснил он.

— Это верно, как же ты сейчас?

— Учусь, подрабатываю в фирме, потом думаю свое дело открыть.

— Мои родители обязательно помогут, — добавила Вероника. Димка бросил на нее только им одним понятного содержания взгляд, девушка уткнулась глазами в тарелку.

— А не получится, что-нибудь еще придумаю, где наша не пропадала? — расплылся в улыбке он. Только теперь за слоем трехлетней накипи и штукатурки я разглядела прежнего Димку: остроумного, жизнерадостного, оптимистично настроенного, способного горы свернуть, до безумия влюбленного в жизнь.

Мы и дальше разговаривали, но Димка больше молчал. А когда мы прощались, мой старый знакомый завопил в коридоре, возникла неловкая тишина, и, уже закрывая дверь, мне показалось, что я услышала: «Как же мне тебя не хватало!»

Но могу дать девяносто десять из ста относительно того, что это просто игра моего воображения.

— Ты меня обманула.

Так начал нашу беседу под звездным ночным весенним небом Женька.

— Ты говорила, что Вероника легкая, жизнерадостная, веселая, какая там еще? Общительная... ну, это правда, — согласился он. — А в остальном... не очень веселая, скорее стремится понравиться, не слишком жизнерадостная, скорее реалистичная, если и легкая, то на вес точно, а по характеру не знаю. Да и Димка. Обычный парень. Короче, я сразу подумал, что ничего особенного в день гонки в нем не заметил, а теперь убедился. А ты так расписала... короче, у меня совсем какой-то другой образ сложился.

Вот тебе и Юрьев день. А кто может быть уверен на сто процентов, что он смотрит на мир не в кривое зеркало?

Одна проигранная встреча

— Третий проигрыш в четырех матчах! Маша, подумайте только, третий! Пора срочно предпринимать меры, — заключил профессор. Он ходил в кабинете из угла в угол, размышляя о причинах такого неудачного старта после перерыва. Сегодня, сразу по завершению матча, он позвонил своей ассистентке и потребовал приехать на базу. Теперь у них проходило мини-совещание.

— Мне трудно предложить выход, потому что я не могу понять, почему так произошло, — отозвалась она.

Профессор на мгновение остановил свой пронзительный взгляд на девушке, потом протер очки, присел и предложил Маше:

— Я вас уже многому обучил, попробуйте сами понять причину разлада в игре, только помните, что в рассуждениях нужно идти от известного к неизвестному, от простого к сложному.

«Странный человек! У команды такие неприятности, еще две-три такие игры, и полетим мы отсюда на все четыре стороны, а он на проверку моей обученности время тратит! Что тут скажешь: педагог! Что ж, попробуем!»

— Что нам известно: игра разладилась после межсезонья. Это раз. Открытого конфликта между футболистами нет. Это два. Игроки, у которых мы пытались выяснить, что в психологическом климате команды нарушено, ответа не дали. Это три. Физические кондиции игроков в норме, как нам сообщили доктора. Это четыре. Из всего вышесказанного сделаем вывод...

Профессор знаком остановил девушку. Хорошо, что он так поступил, потому что продолжение фразы Маша придумать никак не могла.

— Чтобы правильно сформулировать вывод, вы должны знать, что в межсезонье я практически не видел ребят: по семейным обстоятельствам был вынужден приезжать лишь на пару дней и снова уезжать.

«Интересно! И у него есть семейные обстоятельства! Хотя, ничего удивительного: ведь Женька тоже считал, что я робот».

— Это меняет дело. Наверно, в межсезонье произошло что-то, что нарушило психологический климат. Причем такое, о чем чужому человеку не говорят, даже близкому. Что-то очень серьезное, связанное с футболистами, о чем они молчат.

— Может, просто временный спад? — противоречил ей профессор.

— Возможно, но маловероятно: игроки те же, тренер тот же, а результата нет.

— Допустим, — психолог чуть отклонил голову в сторону, свободно расположился на своем любимом кресле, его глаза выражали внимание и что-то еще, похожее на гордость. — Может, вы проанализируете, что в игре ребят изменилось в худшую сторону?

Вопрос на засыпку, особенно, для девушки, которая к футболу относилась всегда прохладно, без особого интереса. Но не для той, что несколько часов провела в поезде рядом с человеком, ничего не признающим в мире, кроме футбола.

— Иногда складывается впечатление, что они перестали понимать друг друга: один дает передачу на ход, а другой думал, что будет в ноги; долго делят, кому штрафной пробивать; фолить больше стали. Что еще?... Хм... Короче, уверенность куда-то ушла, а вместе с ней и удача.

Психолог сначала слушал, потом начал протирать очки, затем поставил глаза в одну точку и замер. Маша решила, что профессору не понравился ее анализ, но вскоре она поняла: ее начальник придумывает очередной мудрый ход. Поэтому она не стала тревожить его задумчивость.

– Маша, вы считаете, что проблема в футболистах, а не роке, тренерах, руководстве или ком-то еще?

– Да, мне так кажется, — нерешительно произнесла девушка.

– Пусть будет по-вашему. Если есть скрытый конфликт среди футболистов, значит, они сами выдадут его причину своими словами, поведением, стоит только понаблюдать за ними хорошенько.

– Хорошо, я буду наблюдать в усиленном режиме, начиная с завтрашнего дня.

– Не пойдет, так наблюдение можно проводить целыми неделями, а у нас нет времени, поэтому приступим сегодня. Вы должны знать, что у нас есть неделя для улучшения ситуации, руководство наделило нас всеми необходимыми полномочиями. Но вы должны отчетливо представлять, что будет в том случае, если у нас ничего не выйдет. Я тоже буду наблюдать и особенно пристально — за тренером. Что-то здесь не так.

Маша, все это время сидевшая за компьютерным столом, подвигала уставшими от недостатка движения ногами, потом руками. Она уже поняла, что надо размяться, потому что остаток дня будет длинным и придется побегать.

Идея профессора, благодаря стараниям его и ассистентки, была воплощена в жизнь. На базе футболисты проходили восстановление после игры в массажной, ваннах, на специальных тренажерах. Потом они должны возвращаться домой, но профессор объявил им, что проводит обязательный сеанс психологической разгрузки в бывшей архивной. И вообще, им сегодня надо остаться с ночевкой на базе. Сказать, что футболистам не понравилось это известие — ничего не сказать, они, уставшие и разбитые разгромными 3:0 от середняка турнирной таблицы, пребывали в дурном расположении духа. Но психолог не унывал, он рассадил молодых людей на стулья, диван, шары, на подушки, специально для этих целей разбросанные на полу. Всего испытуемых было одиннадцать: Кирилл Наваров, Егор Беговой, Дмитрий Березин, Магомед Ахмедов, Сергей Брошкин, Цыпа, Светич, Диего, Опалов, Чиж, Жоазинье. Именно такой набор футболистов оправдывался, по мнению профессора, оптимальными размерами малой группы, кроме того, в нем был представлен весь основной состав команды.

Профессор вошел последним, закрыл за собой дверь и сообщил:

– Вы лучше меня знаете сложившуюся ситуацию, вам с ней и разбираться. Сейчас я выйду и закрою за собой дверь, открою только через два часа. Можете заниматься, чем хотите. Советую обсудить наши проблемы...

– Подождите, — Егор немного перекатился на шаре, на котором сидел, — значит, разгружать нас не будут, а будут нагружать? Ну, спасибо, знал, не согласился бы! — заявил он с улыбкой, впрочем, как обычно.

– А я вообще ничего обсуждать не намерен! — заявил Березин, он сидел на полу, опершись спиной на стену и расположив впереди согнутые в коленях ноги.

– Это ваше дело, единственное условие — вместо «я» и «ты» говорите «мы», за каждую ошибку буду набавлять на первый раз по минуте, — заключил профессор, развернулся, покинул комнату. Все ее обитатели слышали, как снаружи скрипел ключ.

– Он что, правда, дверь закрыл? — удивился Павел. Футболист встал с дивана, дернул за ручку и озадаченно вернулся на место.

– Не обязательно было проверять, и так все ясно! — констатировал Брошкин, парень двадцати семи лет с постоянно взъерошенными волосами и кипой мыслей в голове. За это его и любили, и недолюбливали: любили — за точные и креативные передачи, недолюбливали — за меткие и разумные замечания по любому поводу, а также глубокую осведомленность.

– Эй ты, философ! — подал голос Березин.

Футболист не успел говорить, потому что его прервал Егор.

– Ну, спасибо, Димка, теперь нам сидеть здесь на минуту больше!

– Откуда они узнают! — бросил нападающий.

– Это Николай Степанович не узнает? Иногда складывается впечатление, что он и так все знает! — заявил Чижик.

Маша сидела в закоулке за стеной и все видела, наушники передавали ей звуки в точности, а профессор спокойно сидел в кабинете, занимаясь своими делами.

– Опал, что будем делать? — впервые проронил пару слов Кирилл.

Капитан пожал плечами, не изменяя своему угрюмому виду, так для него не характерному.

Все выглядели озадаченными, раздраженными либо потерянными. Все, кроме Жоазинье, который делал вид, что это просто еще одно рабочее упражнение — неприятное, но безобидное, поэтому коротал время, набирая сообщения в любимой сети. Он давно привык, что русские люди немного странные — очень уж любят придумывать себе утомительные развлечения.

– Что сказал профессор? Будем решать наши проблемы, — предложил Егор.

– Не знаю, как у тебя, а у меня проблем нет, — отрезал Березин.

– Димка, кончай с этим «ты» или мы здесь и правда до утра застрянем! — напомнил Чижик.

– Ты, ты, ты! — запел Диего, ему подпел Цыпа, создавая колоритный дуэт.

– Парни, помолчите, please! — с особым южнославянским акцентом сказал Светич. Он, два темнокожих футболиста и Чижик занимали диван.

– What is it? — спросил Цыпа. — Почему мы сидеть здесь? — Цыпа даже снял наушники, которые были практически его второй кожей.

– Это особая русская игра такая, понимаешь? Game.

– O, game! — повторил Цыпа, скривил в недоумении лицо и снова надел наушники.

– Ох уж эти психологи! — начал Егор. — Чего только не попридумают!

– Это четко, — отозвался Димка, — представляете, мне Мария посоветовала идти учиться!

– А что ты, правда?! Поступай, конечно. Иногда умным девушкам неприятно общаться с парнями без высшего образования, — изрек Брошкин.

– Кончай, Фил. Я же поступал, потом академ взял. Спасибо, что просветил, а то я же не знаю, что девушкам приятно, — ухмыльнулся Димка и почесал свой белый хаер.

Фил (он же Брошкин) снисходительно улыбнулся.

Маша смотрела за футболистами и думала, какие же они разные! И только, когда они вместе, рождается своеобразное чудо — команда. Но что-то в этом механизме нарушилось, сломалось... Но что?

Жаль, что среди них нет психолога, можно было бы перевести разговор в сферу чего-то более оптимистичного... а так...

Между тем, футболисты уже несколько минут молчали. Кто-то копался в телефоне, кто-то дремал, кто-то сидел задумавшись. Мрачноватая картина.

Вдруг Димка подскочил со словами:

– Я так больше не могу! Что мы тут сидим без дела? Давайте поиграем что ли?

– Ты издеваешься? Не маловата ли площадка? — ответил ему Чижик, отрываясь от своего телефона.

– Я не про футбол, — Димка подошел к шкафу и взял с полки карточки «Мафии», «Элиас», «Корову 006», «Иманджинариум», «Свинтуса». — Сыграем что ли? Нам еще здесь часа полтора сидеть, а то и больше!

– Можем и так посидеть, — резковато выразился Кирилл.

Димка проигнорировал замечание.

Иностранцы переглянулись и пожали плечами. За те зарплаты, которые они получали, можно было и поиграть. Цыпа даже наушники снял. Он чувствовал, что в команде творится

неладное, понимал: возможна ротация состава, а в его прелестном домике во Франции нужно доделать ремонт, премиальные в этом случае ох как не помешают...

– Окей! Мафия! — почти по-русски произнес Цыпа и взял из рук Димки карты.

– Весьма психологическая игра, — оценил Философ. — Я когда-то был одним из лучших в ней, — не поскромничал он.

– Тогда я тоже в игре, — поднял руку Чижик.

– А это точно не азартная игра? — заинтересовался Магомед.

Потом попросил карту и Диего. Он был очень азартен, много денег спускал в казино, приключения постоянно подстерегали его, особенно, в такой непредсказуемой стране как Россия.

В итоге к игре присоединились все, кроме Жоазинье, даже Кирилл. Последним согласился играть Светич. Серб пребывал в дисфоричном настроении. Колебания настроения были для него естественны. Первоначально они вызывали у членов команды удивление и опасение из-за своей контрастности: еще недавно Светич был смешлив и разговорчив, а теперь угрюм и немногословен. Потом привыкли. Человек ко всему привыкает. Ко всему, кроме времени.

Началась игра. Еще на распределении ролей пришлось пересдавать карты, так как Магомеду попался персонаж, не принимаемый в его культуре. Ему долго внушали, что это всего лишь игра, уговоры подействовали, но отношение к персонажу не изменилось.

Как бы там ни было, команда оживилась, будто бы отбросив бремя забот, волнений. Правда, ничего, что хотя бы косвенно указало на причину разлада в игре, Маше не удалось подметить. Зато она еще раз убедилась, что Димка — сердце команды, ее мотор. Его энергия, неутомимость, жажда жизни и деятельности заражали и поддерживали. Второе, что уяснила Маша, сейчас действовать еще не поздно, как бы там ни было, они все еще хорошая команда и дорожат друг другом.

Ровно через два часа пятнадцать минут дверь повторно открылась, и вошел профессор. В это время футболисты уже осваивали «Иманджинариум». Николай Степанович поблагодарил всех за работу, помощь, пожелал всем спокойной ночи и отпустил в спальные номера, которые располагались на верхнем этаже в спальном корпусе.

– Да мы же ничего не сделали?! — прокомментировал ситуацию Егор.

– Это же «профессор»! — пожал плечами Чижик. Для него слово «психолог» всегда стояло в одном ряду со словами «маг» и «волшебник».

Футболисты распределились по номерам в привычном порядке: Егор с Кириллом, Дмитрий с Павлом, Светич с Филом (последнего не пугали особенности характера Горана), Опалов с Магомедом, Диего с Цыпой, а Жоазинье занимал номер единолично, это было прописано в его контракте. Он практически не понимал по-русски и старался поддерживать с одноклубниками исключительно рабочие отношения.

Кирилл и Егор по обычаю занимали угловой номер с видом на тренировочное поле. Темноглазого опорника очень удивило, что Егор не стал звонить жене, рассказывать, как прошел день, а обошелся только смс-кой. Как-никак, они только недавно поженились... Причем, в отличие от Кирилла, у Егора не наблюдалось особого огорчения по случаю того, что пришлось заночевать на базе.

Молодой отец же долго беседовал о житейских мелочах с любимой женой, спрашивал, как прошел день, чем занимался «Михаил Кириллович», его интересовали такие подробности, что можно было искренне подивиться и позавидовать его семейному счастью.

Егор в это время вышел на балкон. Он, оставаясь незамеченным, украдкой разглядывал семейное счастье своего партнера по игре и от нерадостных мыслей его брови нахмурились, а уголки губ опустились. «Настоящее счастье, — решил он, — в том, чтобы найти такого человека, с которым можно говорить вот так запросто обо всем на свете, человека, который бы понимал с полуслова... Вот только где его взять?!»

С такими словами Егор сел на кровать, надел наушники и достал из сумки электронную книгу.

Дмитрий обычно коротал в подобных ситуациях время, рубившись в игры с Чижом. Но сегодня он казался чрезвычайно погруженным в собственные мысли и не мог разделить увлечения своего друга. Справедливости ради, Павел тоже не мог сконцентрироваться на игре, в конце концов, расценил затею с игрой как неудачную и бросил это неблагодарное дело. Посидев несколько минут в тишине, Чиж не выдержал и сказал:

– Еще одна проигранная встреча, и все...

Дмитрий посмотрел на друга тяжелым взглядом и сделал вид, что очень хочет спать. Он прекрасно понимал, что через три дня будет кубковый матч, на котором все решится, и на котором он вряд ли выйдет на поле.

Хорошая команда

В то время как футболисты спали (или делали вид, что спали), в кабинете психолога кипела работа. По приказу начальства Маша и профессор получили в распоряжение архив клуба и возможность запрашивать все необходимые документы. Николай Степанович опытным взглядом просматривал бумаги, откладывая интересные, на отдельный лист он записал дневные наблюдения за Дубининым. Маша изложила на другом листе свои соображения, полученные на основе их мини-эксперимента в бывшей архивной.

Николай Степанович был недоволен: что-то ускользало от внимания психологов, но что именно — он не мог сформулировать.

– Детерминизм! У всего есть своя причина! — приговаривал он, пересекая кабинет в быстром темпе от двери до балкона и обратно. — И обычно детерминизм системный! Должно быть много причин, они сложились вместе, от всего этого и такой результат. Надо их вычислить!

Маше еще не приходилось видеть профессора в таком возбуждении. Сказать по правде, первые три недели после отпуска Николай Степанович был будто не здесь, погруженный полностью в себя. Теперь он «выбрался» из своей собственной пещеры и заметил весь масштаб катастрофы, которая могла обрушиться, в том числе, и на его голову.

– Это наш просчет? Мы должны были предположить и предупредить? — уже зная ответ, обреченно интересовалась Маша.

– Как это ни прискорбно, да. Но кризисы закономерны. Они есть всегда. Нам еще повезло, что они в нашей команде довольно редкие. Некоторые клубы лихорадит так, что в них несколько раз за сезон меняются тренеры, болельщики бойкотируют матчи, команды даже снимаются с розыгрышей. Надеюсь, у нас до этого не дойдет.

Как всегда, профессор только одному ему известным образом соединял в высказывании оптимистичное и пессимистичное начало.

– Мария, вы должны понимать, что дело нешуточное, поэтому работать нужно быстро!

Маша про себя покачала головой. Разве так можно? Она бы со своей повышенной тревогой уже после второй игры стала бы бить в колокол, а профессор очнулся только сейчас. Но спорить было некогда. Начался мозговой штурм.

Профессор и его ассистентка написали все возможные на их взгляд причины внезапного ухудшения качества игры. Полученные варианты они объединили по блокам: «тренер», «персонал», «команда», «руководство». Затем стали работать с каждым блоком отдельно. Тренера анализировал Николай Степанович:

– Я его давно знаю. Он сам не свой, подавлен чем-то. Но молчит. Потерял свою хватку, может, и правда его стоит сменить... Но не в этом суть. Разгар сезона — найти другого качественного тренера непросто. Завтра наведаемся к нему домой. Нужно застать его врасплох, тут уже все средства хороши. Насчет персонала: саботаж, работу в пользу конкурентов и прочее я практически исключаю, но, на всякий случай, запроси в отделе кадров информацию о смене места работы, несчастных случаях, подменам и пусть вышлют список тех, кто выезжал с футболистами на заграничные сборы.

Маша тщательно стенографировала каждое слово профессора. Сложные и переломные ситуации, как нам уже известно, были ее стихией. В них она подсобиралась, настраивалась, работала особенно добросовестно и напряженно, отдавала все, что могла, все силы. Именно поэтому Маша не любила допускать сложных ситуаций, стремилась пресекать их на корню: слишком дорого они ей обходились.

– Теперь «руководство»... Называйте первые ассоциации, которые приходят вам в голову!

– Управление, кабинет, деньги, работа, риск...

– Стоп! Как я мог об этом не подумать! — засиял профессор. — Мария, — изрек он, — вы гений!

Девушка тщетно пыталась понять, что такого гениального она сказала.

– Как вы не понимаете?! Конечно же, футбол — это большой бизнес! Здесь вертятся огромные деньги! Нужно срочно узнать, есть ли у нашего клуба финансовые проблемы, а может быть, они предвидятся. При таком руководителе, как у нас, финансы выходят на первый план, поэтому обязательно нужно осветить это вопрос.

– Запросить документы? — предложила Маша.

– Бесполезно, сюда Кротов нас не пустит. Нужно, чтобы кто-нибудь посмотрел со стороны. Бюджет клуба, его доход, траты на трансферы и зарплаты футболистам должны отражаться где-то в официальных документах, только как их достать... — задумался профессор.

– Они должны размещаться на сайте клуба, — подняла на профессора глаза ассистентка.

– Вы превосходны, Мария! Хвалю! У вас есть знакомые, которые могли бы в короткое время собрать информацию, сопоставить ее и сформулировать результаты? — так как Маша задумалась, профессор добавил. — Только не думайте меня разочаровывать.

Это было сказано в таком тоне, что Мария тут же погрузилась еще в более глубокие раздумья. Как не странно, первым в уме Маши появился Керимов, он еще в университете подавал большие надежды, учась на экономическом. В сети прекрасно работал и Костя, он тут чувствовал себя как рыба в воде. Может, что найдет. Он да, но Димка... Как к нему обратиться? Есть еще Стрелок, тот тоже по своим околофутбольным путям, может быть, что-нибудь отыщет...

В итоге с тяжелым сердцем Маша произнесла:

– Есть такой человек, но связаться с ним я смогу только завтра.

– Если вам неудобно... — начал профессор...

– Нет, все нормально. Давайте дальше по списку.

– Теперь «команда». По-хорошему, нужно перетрясти всех, но они не хотят идти на контакт. Да и времени маловато, у них скоро игра, им нужно тренироваться. Давайте пересмотрим с вами две последние игры, чтобы узнать сильные стороны... Запомните, Мария, есть две тактики работы: устранять негативное, либо опираться на позитивное. Негативное можно устранить, когда точно знаешь, с чем борешься, когда у тебя есть для этого ресурсы, полномочия, время, когда уверен, что вместе с водой не выбросишь младенца. В остальных случаях нужно опираться на положительное. Именно поэтому мы... — сделал многозначительную паузу профессор.

– Будем искать сильные стороны, — завершила высказывание Маша.

– Совершенно верно, включайте матч. Наша задача — наблюдать за футболистами, искать «здоровое» звено, чтобы потом на него воздействовать.

Мария выполнила указание своего начальника. Однако уже на десятой минут профессор начал отвлекаться: футбольные баталии никогда не вызывали у него должного интереса, но его всегда интересовали люди... Правда, не в полночь после тяжелого дня. Маша же искренне старалась отметить плюсы в работе команды, но атака была вялой, несмотря на все старания Березина. Тот открывался, но не хватало точного паса, первые несколько минут мяч вообще до форварда не доходил, опорную зону соперники проходили быстро, длинные передачи не проходили, а в коротких пасах было поразительно много брака...

– Так не пойдет, — на пятнадцатой минуте сказал профессор, тщетно стараясь подавить зевок. — Давайте посмотрим этот, как его...

– Саммари? — подсказала Маша.

— Обзор матча я имел в виду! И где только вы всего этого понахватались?! Включайте, — смилдовался он, пододвигая очки на носу ближе к глазам.

Маша включила обзор. Сначала она решила, что трудно будет разобраться: все-таки здесь лишь некоторые моменты, многие важные могут быть упущены. Краткий пересказ матча сводился к следующему: потеря, контратака, вратарь отбивает; фол, стандарт, вратарь отбивает; перехват, перевод, один в два, гол в ворота нашей команды и т. д. Чаще всего показывали голкипера, и Маша уже сделала про себя вывод, но решила смолчать, чтобы узнать авторитетное мнение профессора. А Николай Степанович не произнес ни слова.

— Второй включайте, — вот и все, что он удосужился сказать.

Во втором матче было то же самое, и болельщики лучшим игроком проигравшей команды признали вратаря (голосование проводилось в прямом эфире). Профессор и ассистентка переглянулись.

— Я в принципе знал результат, мне интересно ваше мнение, — Николай Степанов сидел рядом со столом Маши на стуле для посетителей, и, чтобы не сбивать девушку с умных мыслей, кои, по его мнению, могли закрасться ей в голову, старательно протер свои очки.

— Беговой? — ответ был так очевиден и подобные задачи так не походили на те, которые привык преподносить профессор, но Маша произнесла эти слова очень робко и еле слышно.

— Почему так тихо? Иногда все гениальное просто. Очевидно, он понимает всю сложность ситуации, но не опускает руки и пытается исправить ее.

Маша в который раз подивилась проницательности своего учителя.

— Он даже приходил ко мне, хотел позаниматься, ему нужен курс развития внимания (концентрации, объема, переключения, распределения и т.д.). Но я не смогу с ним работать, — профессор будто бы даже смутился и перевел взгляд в сторону. — Но сейчас не об этом... Нам нужно подумать, как это использовать.

Маша решила, что психолог снова в своем репертуаре: устроил ей очередную проверку, как обычно темнил, в целях, известных только ему одному... Как это похоже на Николая Степановича.

— И, конечно же, у вас есть план?

— Да, — как всегда уверенно констатировал психолог. — Егора нужно отделить от других футболистов и тщательно проработать, — он так выразительно посмотрел на ассистентку, что у нее не осталось вопросов о том, кто именно будет выполнять это поручение.

Отдельные паззлы наконец стали складываться для Маши в целостную картину: профессор реже появляется на работе, большую часть дел передает ей, занят другими делами, мыслями, то, что его раньше так беспокоило, отходит на второй план. С чем же это связано?

Тут Машу осенило:

— Нет, вы не можете уйти! Не сейчас! — девушка едва не перешла на крик.

— Мария, успокойтесь. Я от вас сейчас не уйду, просто у меня меньше времени сейчас, по семейным обстоятельствам... А вот потом, процентов на 75, когда все успокоится...

У Маши на глаза навернулись слезы: ее учитель, начальник, самый умный и проницательный из всех, кого она знала, скоро уйдет. А следом придется уйти и ей: кто будет здесь ее держать? Девушку, у которой даже диплома на руках нет!

Будто бы читая ее мысли, профессор уточнил:

— Я не уйду, пока вы не получите диплом, скажу честно, я был бы очень рад, если бы вы сменили меня на посту психолога в этом клубе...

— Что вы такое говорите... — пролепетала девушка.

— Не перебивайте меня, Мария. Возможно, что за время нашей работы я недостаточно вас хвалил. Но вы должны знать о своей удивительности, уникальности, но самое поразительное — вы ее не замечаете, при оценке других видите лучшее, доводите начатое до конца, держите удар, вы искренняя, справедливая. Каждое слово, сказанное мной сейчас, прошло проверку

самым строгим судьей — временем. Понимаю, может быть всякое, но мое пожелание вы теперь знаете.

Если бы не крайние обстоятельства, не уютная атмосфера полусвещенного кабинета, не поздний час, возможно, Мария так и не узнала бы, что думает о ней психолог на самом деле и какое будущее пророчит. Но раз профессора потянуло на откровенность, девушка решилась спросить:

– Почему вы уходите?

– Мария, меня всегда поражала ваша способность ставить нужные вопросы в нужное время. В другой день я бы не стал отвечать на него...

– Но я бы и не спросила, — улыбнулась Маша.

– Вот именно, такая чуткость, как у вас дорогого стоит...

– И все-таки? — вернула его к вопросу Маша.

– Я расскажу вам не потому, что мне не перед кем излить душу, а потому, что вы можете совершить ту же ошибку, что и я...

Вы, вероятно, не поверите, но я тоже когда-то был молодым. Я тоже влюблялся и не жил на работе, как можно подумать. У меня даже была семья... Как грустно это звучит: «Была».

Я женился, когда еще был аспирантом, зарабатывал очень мало, но деньги никогда не имели для меня сколько-нибудь важного значения. Моя избранница была из хорошей семьи, с прекрасными манерами. Сначала ее привлекала моя «ученость», как она любила выражаться, я не страстный человек, во всяком случае, в плане открытого проявления чувств, это тоже она считала плюсом для сохранения верности в браке.

Чтобы у вас не сложилось предвзятого мнения, вы должны знать, что мы любили друг друга и поначалу были очень счастливы.

Но со временем все изменилось. Ей захотелось все больше внимания, которое я не мог ей дать, в наш дом пришли истерики, скандалы. Мою науку она возненавидела, считала источником всех бед, ревновала к ней. Постоянно хотела чтобы у нас в доме было все самое лучшее... Теперь-то я понимаю, что она хотела прикрыть душевную пустоту, а тогда мне казалось, что она просто завидует. А ведь я ее искренне любил, только не мог правильно выражать свои чувства, и она меня, видимо, любила тоже как-то совсем по-своему...

Вы знаете мою горячность, так вот, в молодости я был значительно терпеливее и сдержаннее. Мне казалось, она не понимает или не хочет понять. Я очень много работал, чтобы соответствовать ее прихотям, но из-за этого мы стали видеться еще реже, получился замкнутый круг. У нас рос ребенок, как вы понимаете, он тоже не был в стороне от семейных распрей. Андрея я очень любил... Говорю «любил», потому что в моих глазах он все тот же мальчишка, а кем стал тот любопытный парнишка с кучей вопросов в глазах, мне увидеть не довелось.

После одного из очередных скандалов моя жена собрала вещи и уехала с ребенком в неизвестном направлении. Сказала, что хочет побыть одна, подумать. С ребенком видеться не давала, потом еще переехала, как я потом узнал, в Минск, потом еще... Ее след потерялся, спустя несколько лет я получил извещение о разводе.

Зная вас, вы спросите, почему я их не нашел? Не удержал, хотя бы ребенка? Я тоже от всего устал, нужна была передышка, потом она писала, что ребенку без меня будет лучше... Это теперь я понимаю, что без любящего отца лучше не будет в любом случае, а тогда... Я смирился, углубился в науку, написал и защитил докторскую, а тогда это было сложнее, чем теперь, возглавлял кафедру, деканат, одно время был проректором... Все наблюдал других людей, изучал их.

А потом остановился, оглянулся и осознал, что многое упустил. И в этом во многом «виноваты» вы, Маша. Да, не удивляйтесь. Я подумал, что у меня могла быть такая же внучка, как вы... Только, конечно, еще мудрее, прекраснее, добрее, если такие, конечно, бывают, — грустно улыбнулся профессор.

– Я решил найти свою семью. Узнать, как они, что с ними стало, нужна ли им помощь. Уже несколько отпусков подряд искал их следы, в том числе прошлым летом в Минске. И вот, наконец, этой зимой я ездил в Америку, потому что до меня дошли слухи, что в 90-е семья переехала в США. Но там ее уже нет, моя жена вернулась. Одна или со своим новым мужем, которого встретила там, за океаном. Впрочем, это неважно. Я должен их найти. А для этого нужно время... Время, Мария, самый ценный ресурс, цените, берегите и его и не тратьте на тех, кто его недостоин! — профессор вздохнул.

– А еще я хочу написать книгу, не научную монографию, а книгу впечатлений, воспоминаний. Печально сознавать, что все твои мысли, идеи так при тебе и останутся...

– Николай Степанович...

– Молчите, Мария. Я все прекрасно понимаю. Это не старческая ностальгия по молодости, а может, и она: какая разница?!

– Я могу что-нибудь для вас сделать?

– Что тут можно сделать?

– Напишите мне полное имя, фамилию, отчество вашей супруги, ребенка, все, что знаете о них. Ничего не могу обещать, но мир не без добрых людей...

Профессор с сомнением сдвинул брови и чуть заметно покачал головой.

– Сделайте это для меня. Пожалуйста.

– Ну, только ради вас, — согласился психолог. — Я оставлю бумагу на столе. У меня для вас два сообщения. Первое — насчет журнала. Вы понимаете, о чем я говорю? — Маша кивнула. — Так вот: он в вашем распоряжении. Держите ключ. Только обещайте мне не смотреть в него без особой надобности. Там мои мысли, представления, они могут сформировать у вас установки, поэтому читайте его в крайнем случае.

– Вы словно прощаетесь. Николай Степанович, скажите мне, вы ничего от меня не скрываете?

– У каждого человека есть тайны, вы же психолог, кому как не вам, это знать... Второе, Егор не спит, давайте не тратить время, попробуйте что-нибудь у него выпытать. Если не получится, сконцентрируйтесь на программе по развитию внимания.

– Может, мне побыть тут, рядом с вами?

– Нет, идите.

Девушка медленно, неохотно погасила экран компьютера, через силу ободряюще улыбнулась профессору. Когда она уже закрывала дверь, профессор сказал ей вслед:

– Мы с вами были хорошей командой!

Мария вышла из кабинета ошеломленной: на ее несчастную голову одновременно свалилось столько проблем! Нужно было привести все новости в систему, отдышаться и действовать, поэтому девушка вместо того, чтобы искать Бегового, направилась в сторону удаленного диванчика, на котором она когда-то считала капли в ожидании Березина.

В полумраке коридора можно было спокойно разобраться в себе. Во-первых, с профессором что-то не так: или он правда переоценил свою жизнь и пришел в «отчаяние», как сказал бы Эриксон, либо есть что-то серьезное, о чем он умолчал, либо это его очередной гениальный план. В последнее ассистентка психолога не верила: слишком уж расстроен он был, потерял... Но, зная профессора, этот вариант нельзя сбрасывать со счетов.

Маша не питала иллюзий насчет того, что именно она займет вакантное место психолога в успешном футбольном клубе. Но девушка решила, что до своего ухода должна помочь профессору навести в команде порядок, а потом будет видно. Николай Степанович искренне волнуется за ее счастье, боится, что она повторит его ошибки. Но как понять, какой человек принесет тебе счастье?!

«Стоп! Не думать о личном! Через три дня кубковая игра, полуфинал, нельзя допустить проигрыша, это будет конец! Нужно разыскать Егора и поговорить! Егор... Я его недооцени-

вала, он сильнее, чем кажется, умнее и дальновиднее...» — подумала Маша, она случайно подняла голову и посмотрела в окно: ее взору открылась лужайка перед административным корпусом. Там, на лужайке, под светом фонарей в трапециевидных колпаках под старину человек читал книгу. Егор. «Все-таки Николай Степанович — гений!» — сделала заключение Маша.

Только теперь она поняла, что оделась слишком легко для середины апреля. Ассистентка психолога поспешно вернулась в кабинет. Стул, на котором ранее сидел Николай Степанович, был пуст. На столе лежала бумага с именами родственников профессора и записка крупными буквами: «Пусть Егор подойдет ко мне завтра!»

Девушка уже испугалась, решив, что психолог, по своему обыкновению, оставил ее одну разбираться во всех перипетиях судьбы, но она ошиблась. Ее начальник лежал на диване под Эйнштейном и тревожно спал. Маша видела, как мечется глазное яблоко под толщей век, как подрагивают пальцы этого уже пожилого человека, но все еще такого юного душой. Во всяком случае, еще недавно профессор был именно таким.

Маша аккуратно, на цыпочках достала плед из шкафа, укрыла им психолога и вышла из комнаты.

Лифт

Мария старалась подойти к Егору как можно тише, но все равно, обходя скамью с обратной стороны, она закрыла собой свет и тень плотным облаком упала на плечи и электронную книгу футболиста.

– Вы мешаете мне читать! — с поддельным неудовольствием отозвался голкипер.

– Вы думаете, вашим глазам приятно читать в такой темноте и красоте?

Егор оторвался от книги и осмотрелся: и правда, природа вокруг оживала, на деревьях набухли почки, ярко-зеленая трава упрямо пробивалась к свету... Но в противовес собственному мнению, парень сказал, пожимая плечами:

– Не знаю, где вы тут видите красоту.

– А вы меня не обманывайте, у вас плохо получается, — колюче улыбнулась Маша и присела на скамью рядом с вратарем. Тот неспешно выключил книгу и отложил ее в сторону.

– Ну и, чего это вы нарушаете мой сон, законно положенный мне по контракту?

Маша не знала, как подступиться к главному. Про погоду что ли поговорить...

– Если пришли узнать насчет проблем в команде, то я ничего не могу сказать, — развел руками парень. — Но если будут другие вопросы — отвечу.

«Вот и поговорили», — пронеслось в голове у девушки.

– Может быть, договоримся?

– Переговоры, значит?

– Именно.

– Это уже интересней... Только я люблю вести переговоры при свете дня, видите ли, темнота и красота плохо сказываются на моей объективности, а вам же нужна объективность, — отшутился Егор.

– А если вас будет просить девушка, а не психолог? — поинтересовалась Маша, прикусив губу от волнения.

– С девушками я о работе стараюсь не говорить, ничего не подделаешь!

Маша начала сердиться: такая ситуация в команде, а он шутит! Но он «луч света в темном царстве», нельзя дать себе завестись.

– Хорошо, тогда насчет развивающей работы. Надеюсь, вы не против, что вести ее буду у вас я? — Маша насмешливо посмотрела прямо в глаза Егору. Тот выдержал взгляд и ответил в том же тоне:

– Против.

– Почему, можно было бы узнать?

– Понимаете ли, — Егор выдержал паузу, то ли боялся сказать грубо, то ли придумывал, что сказать, — он профессор, у него большой опыт, методы...

– Раньше мои методы вас устраивали!

– То было раньше, время идет, все меняется...

Маша опешила, отвела глаза, собралась с мыслями и почти ровно уточнила:

– Это ваше окончательное решение?

– Да.

– Тогда...

Сколько всего хотелось сказать Маше этому надменному, самодовольному бахвалу, но она лишь тихо произнесла, вставая:

– Спокойной ночи!

Егор не успел сказать что-то в ответ. Он дождался, пока Маша скроется из вида, потом сцепил пальцы на затылке и опустил голову к коленям. Улыбка сошла с его губ, глаза погрустнели. Потом он тщетно пытался что-то прочитать, но буквы потеряли для него смысл.

На следующий день Маша связалась со Стрелком, тот обещал передать ей в письменном виде все сплетни, идеи, слухи, факты относительно возможных причин неудач в игре команды. Костя обязывался поискать информацию в сети, проанализировать с юридической точки зрения контракты футболистов. Последним в списке был Керимов. Маша нашла его в сети через общих знакомых. На аватарке он красовался в объятиях Вероники, но будущий психолог почти не обратила на фото внимание. Она несколько раз набирала и стирала сообщения. Итоговое звучало так:

«Это Маша, надеюсь, ты меня еще помнишь. Мне нужна помощь. Ты же экономист?»

В сети, но ответит или нет? Поможет или нет? Когда-то его даже не приходилось просить о помощи...

«Привет. Помню. Скажи, что нужно сделать. Учти, что по профессии не работал...»

«Я в тебе не сомневаюсь».

«Неожиданно и приятно, что ты до сих пор во мне не сомневаешься. Так что там?»

Маша попросила проверить экономические риски, выгоды, перспективы, соответствие рынку и все то, что могло пошатнуть позиции команды, смутить президента клуба. Димка обещал разобраться.

Тут к профессору зашел Егор, они коротко переговорили и ушли. Потом психолог должен был навестить в семью к Дубинину, а Мария — поприсутствовать на собрании клуба.

Собрание проводилось в конференц-зале, на него были приглашены футболисты, медики, аналитики, менеджеры, администрация, психологическая служба, тренерский штаб. Говорили о ситуации в клубе, о низких результатах, о том, что вылет из кубка повлечет за собой досрочное отстранение от работы Дубинина. Кротов пытался мотивировать футболистов. Так как он был человеком-калькулятором, то пообещал увеличить призовые вдвое при удачной игре.

Тренер держался прямо, как всегда, но синяки под глазами выдавали бессонные ночи и внутреннее беспокойство. Футболисты сидели понуро. Напоследок тренер получил какую-то бумагу от Кротова.

После заседания Маша, наконец, смогла уехать домой и немного отдохнуть. На следующий день должна была состояться предматчевая конференция.

От Машиного клуба на конференцию были делегированы Егор, Опалов и тренер. Дубинин с Опаловым уехали пораньше, а Маше и Егору пришлось задержаться: их попросили поднаться к Кротову в административный корпус заполнить какие-то бумаги.

Маша не разговаривала с Егором, тот посматривал на девушку, но тоже отмалчивался.

– Пешком? — спросил он, когда молчать стало уже неловко.

– Вы как хотите, а я на каблуках! — безапелляционно отозвалась Маша.

Егор смерил глазами каблуки девушки и не удержался от комментария:

– У моей жены домашние тапочки выше!

– И что теперь? Можете идти пешком, а я поеду, — заупрямилась девушка. Футболисту ничего не оставалось, как подчиниться.

– Только после вас, — галантно пропустил Егор девушку в кабину лифта.

Лифт мягко тронулся и поплыл вверх. Внезапно его хорошенько потрянуло, потом еще раз и еще, свет замигал, наконец, лифт еще раз дернуло вниз, и он остановился. Маша от неожиданности ухватилась за поручни, ее нога поскользнулась, в итоге девушка оказалась на полу, Егор сохранил равновесие, но для этого ему тоже пришлось приложить усилия.

– Ох... — послышался снизу голос Маши.

– Ты цела?

- Вроде да! Черт, думала же сегодня идти в балетках, надо же было вырядиться!
Егор стоял и прикрывал рукой улыбку, готовую превратиться в безудержный смех.
- Смейся, смейся! Вот я сейчас встану! — пригрозила Маша.
- Просто впервые слышу, как ты ругаешься! Руку дать? — предложил Егор.
- Обойдусь! — отрезала Маша и потихоньку встала, отряхнулась. — Из-за вас все неприятности!
- Мы снова на «Вы»? Тогда должен отметить, что именно «Вы» настаивали ехать на лифте.
- Маша подумала несколько секунд.
- Ладно, давай выбираться.
- А я что, против?
- Егор, я всего лишь хрупкая девушка, поэтому двери ломать придется тебе.
- Ага, они металлические, спасибо за доверие, но я не железный человек и даже не терминатор! — Егор сбросил вызов, потом стал произвольно нажимать на кнопки — лифт не реагировал.
- Может, сам отойдет? — предположила Маша.
- У нас конференция на носу, времени нет. Я попробую вызвать лифтера, а ты позвони, скажи, что случилось.
- У меня сети нет! Со своего попробуй! — попросила Маша.
- Ты забыла, что все мои вещи в вашем кабинете? Лифтер тоже не отвечает!
- Так, надо подумать! — Маша стала мерить шагами кабину лифта, Егор провожал ее глазами и усмехался.
- Самое время подумать!
- Молчи лучше!
- У меня идея!
- Какая? — обрадовалась девушка. Она была одета в вязаное платье, куртку, на ногах — злосчастные ботильоны.
- Может, у тебя в сумке гвоздодер или лом?
- Ха-ха-ха! Очень смешно!
- Не везет мне с попутчиками...
- У меня тоже компания могла быть лучше!
- Маша еще несколько минут ходила по лифту. Егор отметил, что проблемы в команде сказались и на ассистентке психолога. Несмотря на ее внешнюю веселость, глаза горели не так ярко, как обычно, лицо было бледным, а уголки губ приопущены. Наконец, девушка убедилась, что другого выхода, кроме как через створки лифта, нет. Что потолок имеет вентиляцию, но скроен плотно, на стенах зеркала, а не потайные ходы. Она сделала вывод, который напрашивался:
- Нужно ждать. Нас скоро хватятся.
- Неужели?! Да ладно, не может быть! — отреагировал в своем стиле Егор. Маша посмотрела на него, как на сумасшедшего, и покачала головой.
- Ты как хочешь, я посижу! — спутница футболиста сняла куртку, села на нее, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза.
- Егор последовал ее примеру, но расположился в отдалении от девушки. После пары минут тишины Егор начал говорить:
- Маша, я хотел сказать...
- Его спутница никак не отреагировала.
- Маша, ты спишь что ли?
- Опять нет ответа. Егор привстал посмотреть: Маша и правда заснула, слишком насыщенными были последние дни. Внезапно ее голова начала резко клониться влево, Егор понял, что

еще чуть-чуть — и девушка может получить травму. Он подъехал на своем импровизированном сидении поближе, настолько, чтобы голова его товарища по несчастью упала прямо ему на плечо. Почувствовав опору, Маша что-то промурлыкала, утрамбовалась, чтобы расположиться поудобнее, проложила себе путь головой на ключицу футболиста, тот рукой обхватил ее за талию для прочности опорной конструкции. Так и сидели: Егор думал о чем-то своем, Маша полулежала у него на груди.

Дышали в унисон. Это было так приятно, так просто и так прекрасно: взять и остановить время. Когда не нужно делать вид, строить из себя что-то, быть не тем, кто ты есть. Маша во сне была такая юная, незащищенная, доверчивая... Ее волосы пахли летом, теплом, солнцем...

Но Егор понимал, что чудо рассеется, стоит только девушке открыть глаза. Поэтому при первом признаке пробуждения (а это произошло, на его взгляд, чрезвычайно быстро) он убрал руку и отодвинулся от Маши на приличное расстояние.

— Кажется, я заснула... — пробормотала девушка, пытаясь открыть глаза. — Сколько я спала?

— Минут пятнадцать, — отозвался Егор. Он сказал это таким голосом, что Маша была вынуждена серьезно посмотреть на своего спутника: от обычной веселости парня не осталось и следа. Он намеренно чрезмерно тщательно изучал створки лифта, панель с кнопками — все, что находилось в стороне, противоположной той, которую занимала ассистентка психолога.

— Что-то случилось, пока я спала? — с тревогой в голосе осведомилась она.

— Нет, просто...

— Говорить не хочется?

— Хочется, но не с тобой.

— Я же сейчас не психолог, так что бояться нечего, — улыбнулась девушка. Она не понаслышке знала, что некоторые люди боятся психологов как огня.

— Проехали, — заключил Егор.

— Хорошо, если бы мы еще и на лифте несколько этажей проехали, было бы вообще замечательно!

Футболист не смог удержаться: уголки его губ поползли вверх. Он повернул лицо навстречу взгляду Маши и, улыбаясь сам себе, сказал:

— А что, может, мне стоит воспользоваться тем, что ты сейчас девушка, а не психолог.

— Попробуй, — засверкала глазами Маша.

— Дело в том, что я ошибся...

— Все ошибаются, тут нет ничего удивительного, — пожала плечами девушка.

— Я очень ошибся, когда женился.

— Вот тебе и Юрьев день! Расскажешь, почему ты так решил?

— Это длинная история. Но суть ее в том, что однажды я проснулся утром и понял, что нахожусь не в том месте и не с тем человеком.

Может, у тебя тоже такое было когда-нибудь... Я спросил себя, почему мы вместе, и ответ оказался слишком банальным. Это только привычка, не больше...

— Но ты же женился на ней, — аккуратно напомнила Маша.

— Да, женился. Но оттого и женился, что мне чего-то не хватало в наших отношениях, что-то шло не так... не так, как надо. Думал, после свадьбы все изменится...

Егор говорил так искренне и серьезно, что девушка невольно подивилась многоликости его натуры: он и веселый, жизнерадостный парень, и высококлассный постоянно совершенствующийся профессионал, и просто думающий, интересный человек.

— Знаешь, как мы встретились?

Маша покачала головой.

— Я тогда только пришел в наш клуб. У меня еще не было первого номера, не было имени, были только туманные перспективы и много желания играть.

Мы познакомились на одной из закрытых тусовок, куда меня, новичка команды, вытаскивали ребята. До сих пор не понимаю, как туда могла попасть Агния. Но, зная ее, этому не приходится удивляться. Она танцевала, много улыбалась, расточала похвалы в мой адрес. Наверно, тогда мне как никогда был нужен человек, способный поверить в меня. И таким человеком стала она.

Ты же знаешь, что в то время я не общался с семьей, друзей здесь у меня еще не завелось, а она появилась, как мостик через глубокую реку, которую можно пересечь вплавь, но перейти по готовому мосту значительно проще.

Агния никогда серьезно не интересовалась моей работой, но всегда знала, кто в команде состоит в каких отношениях, куда ездит, как живет. Вскоре мы стали встречаться. Она буквально таскала меня по модным бутикам, говоря, что такому успешному футболисту нельзя ходить, в чем попало, — Егор указал на свой наряд: модную рубашку, дизайнерские джинсы. — Думаешь, мне нужно все это? Думаешь, для меня имеет значение, какого цвета моя рубашка? Нет, конечно. Но дело даже не в этом, для нее я был успешным футболистом еще до того, как приобрел этот статус. До сих пор в каждом матче доказываю себе, что он у меня есть.

Агния постоянно выкладывала наши фотографии в сети, по-хозяйски вела себя на наших клубных вечеринках... Мне стыдно за тот эпизод со школой...

— Что за эпизод? — поинтересовалась Маша.

— Когда Агния заявила журналистам, что идея со спортивной школой принадлежит ей.

— Я не обиделась, — заверила парня Маша.

— Но все равно неприятно. Я еще молчу об отсутствии у нее самых обычных умений — прибраться, приготовить поесть. А главное — желания все это делать. Все это ниже нее. Она постоянно думает о себе: как хорошо выглядеть, не поправиться, из-за этого даже не захотела ребенка. Иногда мне кажется, что я важен для нее, потому что мной можно хвалиться перед подругами...

— Егор, — мягко произнесла девушка. От сочетания ее голоса в его имени футболист умолк и задержал дыхание, — но ведь что-то тебе в ней нравится, раз вы столько времени вместе?

— Мне нравилось, что на меня обратила внимание такая девушка: красивая, видная... Я мог гордиться ею перед знакомыми... А потом мне этого стало мало. Особенно последний год, когда вернулась семья, когда столько переоценил и переосмыслил, захотелось чего-то другого... Это ужасно, да? — Егор повернулся к Маше и ожидал ее вердикта.

— Да, хорошего мало... Может, это временное явление, в семейной жизни первый год очень сложный... — пыталась подобрать подходящие слова Маша.

— Если бы. С каждым днем все хуже: постоянные процедуры, каждый день новая прическа, губы, скулы, брови — все не ее. Зачем все это? Каждый вечер не знаю, с кем я проснусь завтра...

— Наверно, это все, чтобы привлечь твое внимание, комплименты, — предположила Маша.

— А мне все это не нужно!

— А что тебе нужно? — Маша посмотрела прямо в глаза Егору и не отводила глаз, пролевая негласный поединок.

Кажется, этот вопрос поставил парня в тупик.

— Любви.

Теперь настала очередь смутиться девушке.

— А что для тебя любовь?

— Это когда ты хочешь, чтобы время остановилось, когда ты с тем, кто тебе дорог, — отчеканил футболист так быстро, будто эта идея занимала все его мысли.

Маша и Егор, как противники в поединке расходятся в противоположные углы, отвели друг от друга глаза и опустили головы.

Егор много чего еще хотел сказать Маше. Что Агния жутко ревнива, может применить любой ход для манипуляции другим человеком, что о самых близких подругах за глаза говорит такое, отчего уши вянут. Что в его красивом и со вкусом обставленном доме нет тепла. Что он не может говорить со своей женой обо всем на свете. Это сложно передаваемое чувство, когда вроде бы все хорошо, но...

– Ты не счастлив?

– Я уже подумываю о том, что полного счастья не существует.

Девушка внимательно оглядела его опущенную голову со светло-русыми волосами, довольно широкие плечи, мужественные руки... От него веяло спокойствием, уверенностью, силой. Когда в Егоре появилось все это? Еще недавно он был обиженным мальчишкой, который бросил ее посреди дороги, а теперь перед ней был мужчина, взявший на себя ответственность за команду в самый сложный для нее период.

Маша поддалась мимолетному порыву и придвинулась к нему на своем импровизированном кресле.

– Можно? — спросила девушка, недвусмысленно намекая, что хочет положить голову ему на плечо.

Егор рассмеялся, да так заразительно, что Маша не смогла сдержать улыбки.

– Знакомое ощущение, — удивилась Маша, когда ее голова оказалась на плече парня.

– Будешь спать?

– Куда там! После твоих-то страшилок... — картинно прикрыла глаза девушка.

– Для тебя страшилки, а для меня жизнь.

– Я тебе одно хочу сказать, можно?

– Говори.

– Ты достоин счастья.

– Смелое утверждение. Оно имеет какие-то основания?

– Да, я смотрела повторы последних игр и восхищалась твоей самоотверженностью.

Откуда она у тебя взялась?

– Я не футболист от бога, как Димка. У меня всегда было больше желания, чем таланта. Ничего не давалось просто так. Там, где другим помогало природное чутье и чувство поля, мне приходилось тренировать свою наблюдательность и развивать физические качества. Я во многом привык играть не ногами и руками, а головой.

– Это как?

– Обдумывать каждый свой шаг, пока не доведу его до автоматизма. Я привык к сложностям, они подстегивают, а не ломают меня.

– Этим я и восхищаюсь, — призналась девушка.

– Вчера с профессором мы ходили в аналитический отдел, разбирали, куда могут пробить штатные пенальтисты соперников.

– Думаешь, дойдет до пенальти? — встревожилась Маша.

– Очень может быть, — сделал вывод футболист.

– Что-то мне не совсем удобно, — призналась девушка.

Егор радостно оскалился:

– Я знаю, как будет удобно, — он направил голову Маши себе на грудь и обхватил ее рукой со спины.

– Откуда такие глубокие познания в области женской психологии?

– У всех свои таланты, а у меня такой — предугадывать женские желания.

– Такой ценный и такой сомнительный талант, — улыбнулась Маша.

– Ты простишь меня?

– Смотря за что.

– За то, что наговорил тебе тогда ночью...

– Сначала я очень переживала, но потом поняла, что ситуация серьезная, а ты хотел, чтобы с тобой работал настоящий профессионал, а не новичок...

Егор будто бы хотел что-то сказать, но промолчал.

– Только у тебя нет выбора: у профессора сейчас нет времени, он работает с вашим тренером, не знаю пока, что там случилось. И, — добавила она, — мое профессиональное общество тебе придется терпеть недолго: профессор дорабатывает сезон и уходит, я, скорее всего — с ним. Если нас не выпроводят раньше.

Егор краешками пальцев нашел руку Маши, едва коснулся ее и убрал свою руку. Что тут можно было сказать? Вряд ли слова сожаления помогут облегчить ожидание неизбежного. Он и сам, зная ситуацию, предчувствовал такой исход.

– Ну, раз выхода нет, придется надеяться на твою компетентность, — в мажорном тоне сообщил футболист и преувеличенно броско вздохнул. За что получил удар в плечо.

Внезапно Егора осенило: информация, которая есть у него, поможет Маше продержаться в клубе дольше завтрашнего матча.

– Тебе еще интересно, что творится в команде? — с резкой переменной интонации поинтересовался парень.

– Ты не захотел говорить, я не могу настаивать...

– Ты должна знать. Все началось из-за Димки.

Егор рассказал, что Березин хочет перейти в межсезонье в другой клуб — заграничный, очень известный и престижный. Там готовы взять его с минимальными потерями для себя, как свободного агента. Но тогда наш клуб не получит никакой выгоды, теряя лучшего игрока. Кротов хотел несколько раз подписать контракт, но Дмитрий отказывался: он точно решил уехать за границу. Президент клуба обязал Дубинина вывести Димку из основы. Тренер отказывался. Но на завтра он получил ультиматум и поэтому в стартовом составе лучшего нападающего команды не будет.

К тому же несколько игроков настаивают на увеличении заработной платы, Жоазинье тоже намерен уйти из клуба и поэтому играет в полноги. С тренером что-то произошло: стал сам не свой, испортилась дисциплина в команде. Были еще какие-то финансовые проблемы, о которых Егор слышал краем уха.

– Спасибо, — тронутая искренностью Егора, Маша постаралась вложить в это короткое слово всю свою благодарность. Она не переоценивала значимость полученной информации: Димка — сердце команды. Что произойдет с человеком, если его лишит сердца? Ничего хорошего, как вы понимаете. Димка... чего тебе надо? Почему так? Почему не договорился с Кротовым? Когда команда шла так хорошо, можно было бы поиграть в еврокубках... Что с этим всем делать?

На груди у Егора было так спокойно, так замечательно...

– Почему мы с тобой не общались последние месяцы? Почему мы с тобой раньше не говорили вот так, по душам?

Егор все также бережно поддерживал за спину свою спутницу, украдкой разглядывал ее и боялся разрушить эту волшебную сказку.

– Наверно, потому что я женатый человек, а ты — девушка моего брата.

– Точно, — тихо согласилась девушка. — Только не думай, что из-за этого я лишу себя удовольствия немного полежать в такой комфортной обстановке.

– Хорошо.

– Егор...

– Да?

– Мне везет с хорошими людьми, но ты один из самых достойных, кого я знаю, помни об этом! Я в тебя буду очень верить...

– До сегодняшнего дня я не слышал от тебя подобных слов... Может, это волшебный лифт?

– Все может быть, — загадочно улыбнулась девушка.

Вскоре лифт ожил и помчался вверх. Только он один знал, что девушка, которая сейчас выходит из него, намеренно выключила телефон вместо того, чтобы усиленно звонить. И что в этот день никто даже не пытался вызвать лифтера.

Холодная голова и горячее сердце

Настал день, который должен был все решить: либо команда побеждает в полуфинале кубка и тренер работает спокойно до конца сезона, либо команда проигрывает, тренера снимают, а вместе с ним посыплются шапки и с голов других работников клуба.

Маша волновалась как никогда. Она плохо спала ночью. В ее груди что-то теснилось, гремело, колотилось, стучало — такое манящее, почти забытое ощущение. Она тщетно пыталась собрать мысли в кучу, разогнать их по полкам и успокоиться — ничего не помогало: ни пресловутые бараны, ни дыхательные техники, ни чтение книг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.